

- Фух, ну слава богу, обошлось, никаких происшествий!
- И всё благодаря этому студенту Ху!
- Пойдите, а этот студент Ху не кажется вам знакомым? Никто не чувствует дежавю?
- Есть немного. Неужели он учится на одном из курсов, которые мы ведем?
- Выглядит слишком молодо, может, первокурсник?

Ху Вэйминь не знал, что на берегу озера Вэймин стоят несколько преподавателей и с тревогой наблюдают за этой сходкой. Сам того не ведая, он попал в поле их зрения.

Один из учителей спросил:

- Нам стоит доложить об этом руководстве?
- А что докладывать? Ничего ведь не случилось. К тому же, все они — золотой фонд страны, даже если доложим, что это даст?
- И то верно. Но должен признать, выступление этого студента Ху было просто блестящим. В его словах чувствовалось нечто от Чжугэ Ляна, когда тот в одиночку противостоял целой свите ученых мужей.
- Глядите, студенты расходятся.
- Пойдемте и мы, холодает с каждой минутой.

Вскоре берег озера Вэймин опустел, будто никакой дискуссии здесь и не было вовсе. Ху Вэйминь, напевая себе под нос, шагал по тропинке, чувствуя невероятный подъем. Он только что отчитал эту золотую молодежь, и на душе стало куда легче. Ху Вэйминь не питал иллюзий, что после его слов они вмиг изменят свои взгляды. Он лишь надеялся, что они станут хоть немного рассудительнее и перестанут действовать сгоряча.

Разошедшиеся студенты, сбиваясь в небольшие группки, продолжали обсуждать услышанное.

- А ведь этот студент Ху — человек незаурядный.
- Согласен, у него своеобразный взгляд на вещи, но очень глубокий.
- Цзяньгун, раз он такой талантливый, почему мы раньше о нем не слышали?
- Хм, может, студент Ху всецело поглощен учебой, или же он просто скромный человек?
- Цзяньгун, у меня появилась одна мысль.
- Цзяньин, только не вздумай чудить!
- Да не собираюсь я чудить, просто хочу помочь ему прославиться.
- Не стоит, а вдруг студент Ху как раз и хочет спокойно учиться?

— Цзяньгун, я хочу привлечь в наше литературное общество больше единомышленников. Разве студент Ху не идеальный кандидат?

— Ну... В общем, главное — не испорти всё.

— Разберусь.

Этих двоих звали Чэнь Цзяньгун, ему было тридцать лет, и Чжа Цзяньин, девушке около двадцати. Оба учились на филологическом факультете Яньда на курсе семьдесят седьмого года. Упомянутое ими литературное общество было студенческой организацией, а сами они — его костяком. Чэнь Цзяньгун начал писать еще в семьдесят третьем и с тех пор не выпускал пера из рук, успев заработать неплохую литературную репутацию. Что же до Чжа Цзяньин, то позже под псевдонимом Чжа Сидо она станет автором статей для таких известных изданий, как Ваньсян, Душу, Нью-Йоркер и Нью-Йорк Таймс. Самой же известной ее работой станет Интервью восьмидесятых.

В те времена литературные и поэтические кружки в университетах были невероятно популярны, и студенты гордились возможностью состоять в них и публиковать свои произведения. Благодаря стараниям этой пары, имя Ху Вэйминя, сам того не зная, начало распространяться по университету. Многие талантливые студенты мечтали взглянуть на этого парня, обладающего столь нетривиальным взглядом на литературу. К сожалению, студент Ху был слишком загадочен, и встретиться с ним пока никому не удалось.

Благодаря усилиям Чжа Цзяньин и Чэнь Цзяньгуна, распространявших мысли Ху Вэйминя, дискуссия вокруг Горькой любви в стенах Яньда не переросла в нечто разрушительное. Однако в других университетах и в обществе в целом влияние было куда сильнее. Поскольку фильм так и не вышел в широкий прокат, а тираж журнала Октябрь с Горькой любовью был по большей части изъят, студенты получали рукописные копии сценария или отзывы в прессе через неофициальные каналы, формируя своего рода подпольные кружки чтения. Часто к этим текстам прилагались комментарии сочувствующих, что лишь подогревало интерес и поддержку со стороны студентов, не знавших всей подоплеки.

В университетах Пекина многие студенты в своих стихах и рассказах косвенно откликались на темы Горькой любви. В их произведениях то и дело мелькали образы снежных бурь и диких гусей, что считывалось как поддержка фильма и сценария. Это доставляло немало головной боли властям, ведь в народной среде, особенно среди молодежи, произведение встречало почти сплошное одобрение.

В конце концов, руководство решило создать правильный идеологический ориентир: поощрять студентов и общественных деятелей писать критические статьи о Горькой любви для публикации в газетах, чтобы создать противовес общественному мнению. Однако с момента принятия решения ни одной по-настоящему сильной статьи от оппонентов так и не появилось.

Пока Ху Вэйминь не увидел объявление о приеме статей.

— ...Статьи должны быть содержательными. В случае публикации выплачивается высокий гонорар. Почтовый адрес для отправки...

Изначально Ху Вэйминь не планировал ввязываться в эту затянувшуюся дискуссию. Во-первых, такие споры невозможно закончить простым запретом или поддержкой, а во-вторых, для него, простого сторожа, участие в этом было бы слишком вызывающим. Но... кто же откажется от денег, которые предлагает редакция?

Вопрос лишь в том, можно ли их брать?

Можно.

И получить их легко.

В прошлой жизни Ху Вэйминь написал немало подобных статей, так что опыт имелся. С его нынешними способностями писать одновременно и художественную прозу, и шаблонные критические статьи было несложно.

— Ради того, чтобы поскорее переехать в отдельную комнату, я готов на все!

Ху Вэйминь стиснул зубы и решил действовать немедленно. После ужина в сторожке он остался один — сегодня была его ночная смена. Мастер Гао, уходя, оставил радиоприемник. Точнее, приемник был собственностью школы, но раньше его слушал только мастер Гао, и никто не возражал, даже если он забирал его домой. Но теперь, когда появился Ху Вэйминь, мастер Гао постеснялся пользоваться привилегией.

Время перевалило за восемь тридцать. По радио начали передавать повествование Юань Кочэна Лес и снежная равнина. Старый мастер еще не перешел к Троецарствию, в основном читал революционные произведения, вроде Знамени красного флага или Песни молодости. Развлечений в те годы было мало, и люди были рады даже такому чтению, не особо привередничая.

— Когда же начнут Троецарствие? Да и Сказание о Юэ Фэе или Семеро героев и пятеро храбрецов тоже подошли бы. Интересно, доведется ли моим будущим романам пройти через руки старого мастера и разлететься по домам всей страны? Если это случится, я же озолочусь!

Помечтав о прекрасном, Ху Вэйминь снова уткнулся в рукописи. Он чувствовал в себе задатки скорострела — тьфу ты, то есть мастера пера. Всего за полдня он накатал четыре критические статьи. Оставалось лишь гадать, примет ли их редакция и сколько за них заплатят. Закончив последнюю, он разложил их по четырем конвертам. Правильно, он решил действовать широко: если одна газета не возьмет, возьмет другая. Заклеил конверты, наклеил марки, подписал адреса — готово.

На следующее утро, даже не выспавшись, он дождался мастера Гао, наскоро позавтракал и отправился на почту отправлять письма.

Редакция газеты Яньцзин цинняньбао. Редактор Сяо Тао по привычке отправился в приемную за почтой.

— Мастер Чжао, много сегодня писем?

— Как и в прошлые дни, штук пятьдесят.

Сяо Тао вздохнул:

— Эх, дискуссия среди народа все еще недостаточно активная.

Им поручили собрать со всего общества статьи с критикой Горькой любви, но после публикации объявления результат оказался весьма посредственным. Присылали либо что-то невнятное, либо вовсе бессвязное — достойного материала практически не было. Напротив, статьи в поддержку Горькой любви были одна острее другой, от них у него самого пот выступал на лбу.

Вернувшись в кабинет, Сяо Тао начал разбирать почту. Пять писем он оставил себе, чтобы прочитать внимательнее.

Первое — сплошные ошибки, никакой пользы.

Второе — это что, критика? Это же сплошная похвала! Они что, думают, я тут бездельничаю?

Третье... о?

Сяо Тао оживился. В этом письме что-то было. Нет, не просто что-то — это был мощный текст, который мог стать знаменем для народной критики Горькой любви. Прочитав дважды, он не нашел изъянов и пришел в восторг:

— Нашел! Нашел! Это именно то, что нужно нашей газете!

— Сяо Тао, что случилось? Ты не заболел?

Сяо Тао вскочил со стула, размахивая листом:

— Нет, вы только посмотрите на эту статью, написано просто великолепно!

— Ху Вэйминь? Откуда в литературных кругах взялся такой человек? Никогда не слышал.

— Сейчас не время выяснять. Нужно, чтобы главный редактор решил вопрос с публикацией как можно скорее.

В этот момент в кабинет вышел главный редактор, его лицо сияло:

— Я всё слышал. Такую статью нужно печатать немедленно, чтобы весь народ увидел!

Подобные сцены происходили еще в трех редакциях. Опасения Ху Вэйминя, что его статьи вернут, не оправдались — напротив, редакторы всех газет решили опубликовать их уже на следующий день.

Раннее зимнее утро. Солнце вставало поздно, но это никак не влияло на трудовой люд той

эпохи. Пань Сяоцзюй была работницей Пекинской шерстопрядильной фабрики, а еще — вернувшись в город «образованным юношей». Годы в деревне сделали ее молчаливой и замкнутой. Если бы не место, которое она заняла после матери на фабрике, неизвестно, вернулась ли бы она вообще. Тяжелая судьба заставляла ее сетовать на несправедливость, хотя вслух она об этом не говорила, делясь лишь с самыми близкими подругами.

Случайно она наткнулась на рукописную копию сценария Горькой любви и прониклась глубоким сочувствием к главному герою, видя в нем себя. Схожие испытания, несправедливость после возвращения — все это заставляло ее задумываться, почему жизненный путь становится всё уже.

Когда она проходила мимо газетного киоска, собираясь написать письмо, чтобы выплеснуть свои сомнения, ее взгляд зацепился за заголовок: Свет рассвета уже впереди.

М? Свет рассвета?

Пань Сяоцзюй остановилась, словно под гипнозом, достала пять фэней и сказала:

— Дайте одну Яньцзин цинняньбао.

Ей до смерти хотелось узнать, о чем же там написано.

<http://bllate.org/book/18482/1773479>